

«МЯГКАЯ МОЩЬ» ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В ГЛОБАЛЬНОМ СИЛОВОМ РАВНОВЕСИИ: ЕВРО-РОССИЙСКИЙ ТРЕК

А.А. Байков

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

В статье анализируются базовые параметры «мягкой мощи» Европейского союза в контексте эффективности его внешней политики и сравнения с усилиями Российской Федерации по наращиванию собственных ресурсов несилового политического воздействия. Для решения поставленной цели автор воспроизводит основные трактовки «мягкой мощи», уточняет критерии измерения эффективности внешнеполитического курса, освещает существующие дискуссии относительно применимости и точности концепций «мягкой и жёсткой силы» в прикладном политическом анализе.

Особое внимание в статье уделяется проблеме доверия в международных отношениях вообще и в отношениях между Россией и ЕС в частности. Автор исходит из того, что проблема доверия – ключевая в международной политике. Именно эта её роль и определяет возрастающую значимость «мягкой силы» в международных делах как фактора, способствующего или препятствующего установлению доверия в глобальных отношениях. По его мнению, наличие доверия в международных отношениях – предпосылка решения любых проблем, ибо международная политика говорит от лица массовых интересов, а ими поступиться не получается, так как в действие вступают законы внутренней политики, то есть доверия между электоратом и элитой.

Анализируя практическое выражение базовых ценностей западноевропейских стран и России, автор делает вывод о низкой эффективности стратегии «мягкой силы» в паре «Россия – ЕС». Наличие в многогранных и многоплановых отношениях между Россией и Европейским союзом теснейшим образом переплетённых национальных интересов самых разных стран не делают эти отношения проще, а груз историко-психологических проблем не добавляют им доверия. Поэтому в условиях его дефицита разумно сделать выбор в пользу постоянно функционирующего и формализованного диалога, причём лучше всего – по конкретным, в том числе техническим, аспектам сотрудничества. В завершение автором предлагаются рекомендации относительно средне- и долгосрочных перспектив двусторонних отношений Россия–ЕС.

Ключевые слова: «мягкая сила», Дж. Най, Европейский союз, внешняя политика, прикладной политический анализ.

Термин «мягкая сила», предложенный Дж. Наем-мл. в 1990-м и разработанный и развитый им в 2000-х и 2010-х гг., стал по-настоящему универсальным географически и, как следствие, весьма гибким (даже размытым) семантически. В самом деле, проникнув – калькой или более-менее удачным переводом – в самые разные языковые пространства, он довольно быстро «опростился», перекочевав и в профессиональный лексикон политиков и политтехнологов, и в общегражданский дискурс широких СМИ, и даже в далёкие от действительной политики общественные дискуссии. При этом, разумеется, трансформировалось его первоначальное значение. Мы помним (и требуем от студентов) «каноническую» трактовку наевского конструкта – главным образом, как инструментов достижения политических целей, основанных на воздействии через убеждение (нежели принуждение) и воплощаемых в культуре, дипломатии (фактически – стиле и методах внешней политики) и политических ценностях. Однако с течением времени концепция «мягкой силы» вобрала в себя множество близких и сопряжённых понятий, часто – вплоть до полного искажения исходного термина Ная. Многие, например, не читав оригинальных работ Ная, стали причислять к «мягкой силе» экономическое влияние, которое самим Наем всегда относилось к «мощи жёсткой».

Правда, и сам Най, судя по его последним работам, отказался от категоричности и ортодоксии своих первичных трактовок и стал рассматривать «мягкую мощь» предельно широко [24; 25; 26], примерно так же, как в конце первого десятилетия XXI в. её толковал отечественный исследователь А.Д. Богатуров; придав понятию новые коннотации и ассоциации, он тем самым ещё раз подчеркнул прикладной характер своего научного амплуа (как, впрочем, и карьеры) на стыке практической политики и академической науки. Он создавал теории, концепции и аналитические инструменты в первую очередь для поддержки внешней политики и её разъяснения.

Парадоксальней другое. Придумав идею «мягкой и жёсткой мощи» в поддержку объяснения американского превосходства, Най не сразу стал применять ее к описанию ресурсного потенциала и оценке эффективности внешней политики иных стран. Между тем, судя по публикуемым на этот счёт рейтингам, по части «мягкой мощи» совокупный Европейский союз, например, далеко впереди США. Более того, именно к анализу их внешнеполитических успехов (и неудач) дихотомия Ная, как представляется, приспособлена наилучшим образом.

Цель настоящей статьи – проанализировать место Европейского союза в глобальном балансе сил, детерминируемым на стратегическом уровне, как и прежде, осью российско-американского конкурентно-кооперативного взаимодействия [16], с точки зрения эффек-

тивности проводимой им внешней политики и набора располагаемых им внешнеполитических ресурсов. Задачи статьи включают уточнение критериев оценки эффективности внешней политики внешнеполитического субъекта, характеристику основных сфер развёртывания Евросоюзом инструментов своего мягкого влияния, сравнительная оценка потенциалов «мягкой мощи» России и ЕС с целью выявления конфликтогенных зон в двусторонних взаимоотношениях. Гипотеза статьи подразумевает, что расширение или сужение «мягкой мощи» не происходит за счёт (то есть обратно пропорционально) изменений в параметрах «жёсткой силы». Более того, «мягкая мощь» не может компенсировать дефициты (иногда долговременные) в способности проецирования «жёсткой силы» в случае, когда между участниками взаимодействия сложилась длительная история взаимоотношений, в том числе в социокультурной сфере, и существует устоявшаяся практика негативного и стереотипизированного реагирования на информационные сигналы (импульсы) друг друга.

Для целей настоящей статьи и с учётом отмеченной выше семантической рыхлости дихотомии Ная требуется сделать ряд пояснений в плане соотношения силовых и несиловых компонентов потенциала («жёсткой и мягкой мощи»). Во-первых, как представляется, повышение значения «мягкой мощи» происходит не за счёт параллельного снижения значения «жёсткой силы». Тенденции в этих двух сферах если и сопряжены, то незначительно. Характер использования вооружённого насилия, то есть формы ведения войны, меняются по ряду причин:

- ввиду демократизации процесса принятия решений в наиболее крупных государствах;
- из-за сравнительной эффективности ведения информационных войн;
- из-за так называемой революции в военном деле (бесконтактная воздушная война с минимальными потерями личного состава – как, например, в Югославии и во время первой войны в Заливе) [2].

В то же время эти изменения зачастую не связаны с изменением статуса «мягкой мощи» или по крайней мере не связаны напрямую. И дело здесь не только в разнице издержек. То, чего можно добиться войной, нельзя сделать с помощью «мягкой мощи», и если война необходима (с точки зрения той или иной политической группировки), то никакая «мягкая мощь», понятно, её не заменит. Кроме того, значение «жёсткой силы» с точки зрения экономического влияния только возрастает.

Во-вторых, «жёсткая и мягкая мощь» различается по трём основным параметрам. Первый (и самый очевидный) – это их природа: «жёсткая сила» основана на принуждении. Оно реализуется через военный потенциал и экономическую экспансию. «мягкая сила» основана, скорее

■ Международные отношения

всего, на убеждении и реализуется через потенциал привлекательности и симпатии.

Второй параметр: «жесткая сила» пассивна (то есть сама по себе, независимо от волевого субъекта, она бездейственна) и манипулируема со стороны государства. Её можно довольно быстро нарастить (хотя понятие быстро здесь условно, так как вооружение, конечно, можно купить, но для создания передового оружия требуются десятилетия инженерных и опытно-конструкторских работ) и также быстро можно её утратить – проиграть в войне, надорвать налогово-бюджетную систему, обанкротиться.

«Мягкая же сила» накапливается десятилетиями и столетиями и потому в краткосрочном периоде полагается константой. Правительство практически ничего не может (или мало что может) предпринять, чтобы укрепить «мягкую мощь» за период своего пребывания у власти. По существу, власть вынуждена иметь дело с тем потенциалом мягкого влияния, которое, условно говоря, ей досталось в наследство. Конечно, она может популяризовать отдельные параметры своего культурного, языкового или исторического богатства и разнообразия, вести разъяснительную работу в связи с предпринимаемыми страной внешнеполитическими шагами либо рекламировать преимущества национальной системы образования.

Однако хорошо известно, что нередко такая популяризация приводит к обратному результату: воспринимается как пропаганда, встречается с сомнением, порождает ещё большее недоверие. Проводя «проактивную» политику, направленную на укрепление ресурса «мягкой силы», бывает очень сложно найти ту грань, за которой тонкая ненавязчивая политика по формированию комплекса привлекательности превращается в открытую пропаганду, которая скорее вредит, нежели способствует желаемому. Более того, если «жесткая мощь» пассивна, то «мягкая», напротив, активна: она может действовать вопреки и в обход государства, полностью независимо – в силу самого факта своего наличия.

Третье. Если «жесткая сила» – это исторически преобладающий инструмент влияния и ресурс политики государства или наиболее влиятельных бизнес-структур (действующих как проводник государственных интересов), то «мягкая сила» – это «функция» общества, фактор и призма его восприятия в мире. В большинстве стран восприятие государства и общества в глобальном пространстве совпадают. В английском языке это передаётся термином «нация» (nation): другими словами, черты общества, как правило, переносятся в массовом сознании и на властвующую элиту. Однако в ряде случаев (как, например, в случае с иракской войной США) это не так. И в мире начинают думать: американское общество страдает, оно верит в идеалы свободы и умирает за них, а Буш пользовался этой наивной верой американских солдат и проводил

таким образом чуждые простому американскому обывателю геостратегические интересы и обеспечивал интересы американского ВПК и энергобизнеса. Иными словами, носителями и реферативными единицами этих двух видов потенциала оказываются разные социальные субъекты. И в случае с «мягкой мощью» эмоции симпатии обращены именно к обществу, а не к элите, которая лишь использует данную ситуацию для повышения эффективности своей политики.

В общенаучном смысле вопросы оценки эффективности внешней политики можно интерпретировать с позиций различных теоретических парадигм, а концепции «мягкой и жесткой силы» при желании органично вплетаются в них. Положения центральных школ международных отношений и их воззрения на обсуждаемый нами вопрос хорошо знакомы читателю:

– структурные реалисты в этой связи, вероятно, станут рассуждать о способности внешнеполитических курсов поддерживать глобальное силовое равновесие и обеспечивать максимальную реализацию интересов безопасности и целей коалиционной дипломатии [7];

– в неолиберальной оптике акцент, скорее, будет сделан на совместимости внешних политик государств в решении ключевых вызовов мировой политики [9; 10], понимаемой как согласованная целенаправленная деятельность ведущих международных игроков, направленная на решение глобальных социально-экономических, гуманитарных, военных и политико-дипломатических проблем, включая проблему стабилизации международного порядка [4; 11];

– социально-конструктивистский взгляд на международное взаимодействие, оставаясь по преимуществу государственно-центричным, вычленяет в мирополитическом комплексе нематериальные аспекты восприятия «значимого Другого» и самовосприятия глобальных акторов [30; 31; 32; 12]. И исходя из этого, он при рассмотрении эффективности внешней политики выдвигает на первый план адекватность сложившейся структуры идентичностей реальному соотношению сил и существенным характеристикам международно-политической среды осуществления внешней политики того или иного государства;

– наконец, неомарксистская трактовка эффективности внешней политики и вовсе помещает этот блок вопросов в поле глобальных социально-экономических антагонизмов, фактически оперируя на уровне социально-классовых и групповых субъектов мировой политики, а не отдельных государств как таковых [29]. Поэтому собственно вопросы измерения эффективности национальных внешних политик теоретиками неомарксизма не ставятся и не решаются.

На этом фоне, если мы спустимся с общенаучного на частнонаучный и тем более операциональный уровень функционирования научных исследований, то прикладной анализ

внешнеполитической деятельности государства, будучи нормативным по форме реализации (то есть опирающимся на выявленные и описанные в той или иной теории модели и закономерности), не может быть нормативным с точки зрения даваемых оценок. Такая предзаданность может не только обеднять, но и опасно искажать продукт аналитической работы. В США аналогом школы прикладного анализа внешнеполитической деятельности государств и – шире – международных процессов и ситуаций является школа «анализа внешней политики» [19].

В русле данного подхода внешняя политика рассматривается более конкретно как практическое воплощение внешнеполитического курса государства, в основе которого лежит комплексная внешнеполитическая стратегия [17]. Ключевыми элементами стратегии выступают по-разному осознаваемые потребности государства (интересы) и иерархически организованная система целей. Цели фактически представляют собой конкретизированные и, если угодно, «отбронные» наиболее приоритетные интересы. При этом критерием «селекции» интересов и их трансформации в цели является обеспеченность реализации интереса совокупностью необходимых для этого ресурсов.

Очевидно преимущество прикладного анализа: в его процессе должно происходить (и в лучших образцах прикладной аналитики действительно происходит) конкретное исследование соотношения всех звеньев «стратегической цепочки» (потребность – интерес – ресурсы – цели), с тем чтобы оценить эффективность системы целеполагания, а следовательно, процедур внешнеполитического планирования [8]. Важность последнего не вызывает сомнений, поскольку является ключом не только к предсказуемости, а следовательно, к лучшему позиционированию страны в пространстве глобального восприятия и более стабильному (и благоприятному) межгосударственному взаимодействию [1]; но и к более скоординированному внешнеполитическому процессу на национальном уровне, поскольку создаёт системы ясных и прозрачных ориентиров деятельности на всех ступенях внешнеполитической триады [5] и чёткие критерии оценки её результатов, порождая соответствующий кумулятивный эффект.

Важно при этом понимать, что внешнеполитический курс государства развивается не только при пересечении (столкновении или совпадении) с внешними политиками других государств, но и в определённых параметрах политико-психологического климата. М.А. Хрусталёв выделял три вектора политико-психологического климата в межгосударственных отношениях: (а) отношения в спектре «доверие–недоверие»; (б) отношения в спектре «враг – друг»; (в) отношения в спектре «зависимость – независимость» [17]. Разные векторы климата, по сути, детерминируются инструментами воздействия (внешнеполитическими ресурсами), которые ис-

пользуются странами во взаимных сношениях. Так, очевидно, что эмоциональная характеристика второго типа (спектр «враг – друг») находится в прямой зависимости от наличия или отсутствия опыта военного противостояния в двухсторонних делах, с одной стороны (враг), или опыта союзнических отношений – с другой. Комплексы зависимости (или независимости) часто становятся производной от уровня и характера экономического взаимодействия стран и глубины его неравенства.

Между тем за градацию отношений в спектре «доверие – недоверие» отвечает именно потенциал «мягкой силы». Вот почему предпринимаю в настоящей статье оценку «мягкосиловых» компонентов ресурсного потенциала Евросоюза предлагается производить в терминах и координатах описанного системного прикладного исследования.

Не менее принципиальным представляется следующее методологическое допущение: оценка ресурсного потенциала любого глобального игрока, как индивидуально-странового, так и коллективного (как ЕС), может быть только относительной и возможна лишь в сравнительной перспективе. Это, разумеется, относится прежде всего к силовым аспектам потенциала («жёсткой мощи»), где исторически применяются различные методики оценки соотношения сил. Правда, делается это в основном количественно («относительное», «абсолютное», «подавляющее» соотношение сил). Более сложным делом является сопоставление несиловых компонентов потенциалов различных глобальных игроков – то есть собственно параметров «мягкой силы», которые в оригинальной интерпретации Дж. Наю могут показаться довольно аморфными. Тем не менее такое сравнение становится в современных условиях насущной необходимостью как минимум по трем причинам:

– во-первых, в силу невозможности однозначного разграничения «жёсткой и мягкой силы». Так, некоторые ценности и отдельная риторика государств, будучи частью «мягкой силы», по Наю, фактически могут выступать в качестве существенных элементов жёсткого могущества государства. В частности, по свидетельству Джэннис Маттерн, широко известная формула Дж. Буша-мл. о том, что, «те, кто не с нами, те с террористами», по сути, представляет собой яркую иллюстрацию применения «жёсткой силы», то есть непосредственного военного или структурного (экономического насилия), которое при этом как бы откладывается во времени [21];

– во-вторых, если раньше казалось, что уже сам факт наличия «мягкой силы» является заведомо более лучшей альтернативой жёсткого насилия, то сейчас, по более поздним свидетельствам самого Дж. Наю, «Мягкую силу» всё больше рассматривают в качестве онтологической (позитивистской), а не деонтологической (нормативной) концепции [27]. Иными словами,

■ Международные отношения

«мягкая сила» государства – это некий наличный ресурс, использование которого может иметь как созидательный, так и разрушающий эффект для стабильности международной системы;

– в-третьих, сравнительный анализ потенциалов в разрезе «жёсткой и мягкой силы» позволяет лучше оценить комплекс ресурсов в целом – на уровнях разных социальных субъектов, а именно таким – децентрализованным – оказывается межгосударственное взаимодействие между Россией и её основными западными партнёрами – США и Западной Европой. Данный феномен очень удачно описан Т.А. Шаклеиной в терминах «бифуркационной парадигмы» [16]. Её суть связана с «раздвоением» характера, качества и глубины отношений между уровнем реальной политики, включающей срез политико-дипломатических контактов и высший уровень лиц, принимающих решения, с одной стороны, и того, что называется уровнем экспертов-специалистов по стране-контрагенту.

Однако расхождениями на этих двух уровнях не ограничивается «мягкая инфраструктура» двусторонних отношений. Есть ещё один, пожалуй, наиболее значимый уровень отношений – массовый. Общества, как таковые, на уровне рядовых его членов соприкасаются лишь в самом поверхностном срезе, но именно в массовом общественном сегменте зарождаются и воспроизводятся все основные образы. Конечно, образы можно внедрять. Но будучи укорененными, они обретают инерцию.

Отношения России и Запада воспринимаются на двух уровнях: отношения России с Западом как нерасчлняемая совокупность, с которой Россия себя идентифицирует главным образом по историко-политическим основаниям, апеллируя к образам холодной войны. В этом контексте деление Запада на отдельные треки с США и со странами ЕС вторично. С другой стороны, существуют качественно различные по своему характеру и глубине отношения с двумя основными проявлениями Запада – США и Западной Европой. При этом понятие Западной Европы никуда не исчезло, а в условиях расширения ЕС – даже обострилось: после вступления новых членов в ЕС в нём углубились разногласия внешнеполитического порядка, которые только подчёркивают разницу позиций и мировидения внутри ЕС, затрудняя становление Евросоюза как консолидированного политического субъекта.

В чём разница между отношениями России с ЕС, с одной стороны, и США – с другой? Если с США есть богатый опыт и эффективные каналы взаимодействия, сложившиеся во времена холодной войны, то с Западной Европой есть общая культура и история. Если США для России – это несомненный Запад, далёкий как географически, так и исторически, то Западная Европа – Запад более близкий и понятный. С США установился и, несмотря ни на что, циклически развивается и поддерживается судьбо-

носный для всего мира стратегический диалог [13; 14]. С Европой же Российское государство и российское общество связаны тысячами нитей в сфере культуры, торговли, миграционных потоков, туризма. Мы были связаны лингвистически, этнически, династически и продолжаем испытывать на себе влияние этих укоренившихся связей.

Но, возможно, именно историческая интенсивность общения только способствует сложившимся между странами вредным стереотипам – серьёзному фактору подрыва действенности ресурсов «мягкой силы» в отношении друг друга. Стереотипы – устойчивые психологические модели восприятия друг друга, с точки зрения их генезиса, возникают как в сфере политики, где они легче поддаются коррекции, так и на массовом уровне. Если первые формируются в ответ на обстоятельства среды реальных политико-экономических отношений, то вторые являются отражением в общественном сознании давно свершившихся историко-политических разногласий, часто давно минувших, но в силу инертности социально-массового уровня весьма непростыми корректируемыми [6].

Дополнительную сложность составляет то, что наличие комплекса застарелых, часто неадекватных современному контексту отношений стереотипов мешает решать текущие, весьма конкретные, даже технические вопросы. Например, устранение визовых барьеров. Серьёзным источником невосприимчивости к действию являются недостатки психологического генеза: закомплексованность по отношению к Западу, основанная на визуальной оценке отставания и ощущения неудовлетворённости той оценкой роли России в судьбе и истории западноевропейских государств, которая широко представлена в европейской прессе и даже аналитической литературе. Прежде всего в этом контексте упоминается трагическая и спасительная роль для стран Западной Европы и русского народа в противостоянии татаро-монгольскому нашествию; участие Российской империи в Наполеоновских войнах; решающий вклад Советского Союза в уничтожение Третьего рейха.

Данная категория стереотипов характерна как для массовых, так и для экспертных и политических групп общества, она выступает гораздо большим препятствием на пути углубления отношений, чем в случае с США: отношения с Европой обостряются большим грузом историко-психологических проблем, в силу которых восприятие реальности искажается с обеих сторон. Страны ЕС в этом случае, как правило, встают в нравоучительную позицию, а Россия – в позу «обиженного». Оба подхода, понятно, не способствуют взаимопониманию.

На «почвенный» слой историко-психологических стереотипов органично накладываются стереотипы более современные. Каждый из них при этом подпитывается своей – очень фрагментарно воспринимаемой европейцами и не

вполне соответствующей действительности как бы реальностью. Данные стереотипы свойственны практически всем слоям европейского общества. Приведём несколько на первых взгляд частных примеров того, на каких фрагментах российской действительности базируются некоторые из наиболее укоренённых и негативных европейских стереотипов в отношении России. Попутно замечу, что наиболее живучие и «отравляющие» климат двусторонних отношений стереотипы фактически являются отражением наиболее близких и фундаментальных ценностей того или иного общества, которые, с точки зрения его членов, не признаются (или отвергаются) в стране-контрагенте. При этом ценности, вокруг отрицания которых в России сформировались самые устойчивые стереотипы, составляют основу «мягкой мощи» западноевропейских стран.

В политическом аспекте средний европейский гражданин, эксперт и политик убеждены в несменяемости российской власти, в буафорском характере российской демократии. Данные «заключения» подкрепляются, например, наблюдениями за системой привилегий высшей политической элиты. В условиях, когда в Великобритании совершенно всерьёз ведётся дискуссия об отмене министрам права бесплатно ездить первым классом в пригородных поездах, нарушающие правила дорожного движения машины со спецсигналами, движущиеся по специально выделяемым полосам и в самом деле кажутся европейцем анахронизмом, не совместимым с принципами демократии.

Немаловажная сфера – то, что по-английски часто называют «Doing Business In Russia» («Ведение бизнеса в России»). Как бы российское правительство ни старалось стимулировать инвестиционный климат в стране, на укрепление негативных стереотипов у европейцев работает то, о чём мы действительно задумываемся меньше всего. Как и то, что для западноевропейского сознания в XXI в. начинает приобретать почти сакральное значение: это охрана окружающей среды (защита экологии) и энергоэффективность («раскалённые батареи центрального отопления при открытых окнах»). В Западной Европе думать о природе стало нормой жизни. Наш подход к этому им непонятен. В их восприятии мир и его экология – это глобальная ценность, следовательно, мы наносим вред и ущерб и их экосистеме тоже.

В социальной сфере западноевропейцев, хотя бы немного соприкасавшихся с Россией, искренне удивляет непоследовательность российской социальной, семейной и демографической политики. Мало кто сейчас вспоминает о том, что во многом, ориентируясь на опыт СССР в построении социального государства, в целом ряде западноевропейских государств моделировались здравоохранение и образование. Больше всего удивление вызывает именно присущая россиянам непоследовательность:

– пример №1: материнский капитал может получить только мать–гражданка России, даже если супруг – иностранец, а ребёнок – гражданин России. Если же мать – иностранка, а супруг и ребёнок – граждане России, то капитал уже не положен. На этом фоне в странах «старой Европы» приоритетное право на социальные пособия и поддержку получают не граждане, а резиденты, включая неграждан. Граждане-нерезиденты, не проживающие, например, во Франции или Великобритании, не имеют права на бесплатное медицинское обслуживание, а российский дипломат имеет;

– пример №2: при существующей системе пособий в России плата за жилищно-коммунальные услуги на ребёнка рассчитывается по тем же тарифам, что и на взрослого. В Западной Европе в случае появления в семье ребёнка при оплате такого рода услуг предоставляется существенная льгота. Для многодетных семей оплата вообще сводится к минимуму.

Отмеченные противоречия в семейной политике РФ не добавляют российской «мягкой мощи» привлекательности. Ещё один любопытный пример столкновений ценностей в социальной сфере – принцип оплаты высшего образования. Разумеется, внутри Европейского союза существуют различные модели предоставления образовательных услуг. В Великобритании, к примеру, практически не развита система частных университетов, при этом образование в вузах платное и кредитруется за счёт государства, а не частных банков. В Германии и Италии высшее образование в государственных вузах полностью бесплатное. Наиболее уместным для сопоставления, однако, представляют собой системы «великих школ» Франции (*grandes écoles*). В них реализована система оплаты на основе платёжеспособности семьи студента (*means tested*). Результат вступительного экзамена при этом никак не влияет на размер оплаты: зачисление в любом случае производится на базе единых требований к уровню знаний и качеству подготовки абитуриентов, а сумма оплаты определяется уже после зачисления.

На этом фоне весьма несправедливой кажется система оплаты высшего образования в России, в рамках которой официально узаконены как бы два стандарта качества знания и, следовательно, два конкурса – для бюджетных и договорных студентов. При этом хорошо подготовленный, но обеспеченный студент, родители которого с лёгкостью ребёнка, освобождается от платы за обучение. Данная система западноевропейцу кажется несправедливой. Ведь, с их точки зрения, у студента из состоятельной семьи и без того больше шансов с блеском подготовиться к поступлению в вуз и успешно сдать экзамены.

Весьма курьёзное отношение в среде западноевропейцев вызывают отдельные элементы патриотизма в малозначимых сферах, которые,

■ Международные отношения

казалось бы, не требуют такого к себе отношения. В спортивных соревнованиях, мероприятиях типа «Евровидения» мы по-прежнему часто видим способы отстаивания своего суверенитета и расходует на эти цели непропорционально большие средства.

Наконец, притчей во языцех стали российская визовая и миграционная политика, о которой уже много писалось [28]. Россия продолжает говорить о том, что мы готовы к отмене визового режима с ЕС, и дело только за нашими европейскими партнёрами. А когда представители ЕС указывают нам на необходимость серьёзно пересмотреть свои миграционно-регистрационные и визовые процедуры внутри страны, ФМС предпочитает списывать это на двойные стандарты. ФМС в известной степени прав: в деле упрощения этих процедур сделан колоссальный рывок вперёд. По многим параметрам наш миграционный контроль приближается к нормам передовых стран. И по сути, наши партнёры в ЕС подпитывают существующие в этой сфере стереотипы прежде всего тремя фактами:

1) в России основная масса частных приглашений по-прежнему должна регистрироваться в УФМС и представляет собой не только весьма запутанную и длительную, но и к тому же платную процедуру, чего давно уже нет в ЕС;

2) в России до сих пор действует система регистрации по месту пребывания – анахронизм, к тому же весьма неудобный с точки зрения способов его реализации;

3) в России сохраняется жёсткий миграционный контроль не только на въезде, но и на выезде из страны, причём в сущности одинаковый как для граждан, так и для иностранцев.

* * *

Внешняя политика Европейского союза долгое время строилась на презумпции разделения труда в европейском пространстве и передаче функций в области жёсткой безопасности НАТО. Ресурсы внешней политики ЕС выстраивались в строгом соответствии с рекомендациями Ная – исходя из притягательности европейских ценностей, миролюбивого характера её дипломатии и стабильности европейских институтов. Это действительно так. Но нельзя забывать, что в 1990-е и 2000-е гг. все успехи внешней политики ЕС в значительной мере объяснялись эффективностью политики расширения, ресурса, кстати, «жёсткой силы», который в сегодняшние кризисные времена едва ли не исчерпан полностью.

Однако в отношениях Россия – ЕС, обременённых тяжким грузом общей истории и культуры, этот фактор никогда не играл сколько-нибудь значимой роли, кроме, пожалуй, аспекта общей политики соседства. У России и Евросоюза своя номенклатура проблем и исторических предвзятостей, и в этой ситуации эффективность собственно «мягкой силы» ЕС

в отношении России весьма ограничена. Но России и ЕС необходимо искать пути навстречу друг другу, и не только ситуативно и по случаю, но стратегически и системно. В этом смысле можно выдвинуть две группы рекомендаций:

– в первую из них входит всё то, что можно прагматически скорректировать, максимально быстро добившись позитивных результатов. В этом смысле необходимо последовательно решать прагматичные задачи, упрощающие жизнь на общегражданском уровне: визы, браки, обмены, регистрация детей, признание дипломов. Парадоксально, но нормативные рамки для решения этих вопросов уже созданы, но правоприменительная практика часто не отлажена. Технические вопросы можно и нужно решать постепенно, но последовательно, на путях разумной и целесообразной конвергенции политик, норм и подходов – через экспертные заседания, совместные комиссии, как можно дальше дистанцируясь от идеологической стороны дела.

Связанный с этим вопрос – дальнейшая конвергенция наших правовых систем и систем стандартов в самых различных технико-технологических, экономических и промышленных вопросах. К сожалению, в России часто ГОСТ по-прежнему воспринимается как часть национального суверенитета, и попытки отстоять его рассматриваются чуть ли не как часть стратегии по защите национальной гордости и безопасности. Между тем стандартоформирующая роль Евросоюза (кстати, одна из опор «мягкой силы» ЕС) и его первенство в опережающей разработке и определении самых различных регламентов и норм никем не оспаривается. Принять стандарты ЕС означает принять наиболее жёсткие технические условия и требования практически по всему спектру товарной номенклатуры и хозяйственной деятельности и обеспечить себе тем самым доступ на любые другие рынки. Именно так, между прочим, поступил Китай;

– вторая группа рекомендаций исходит из того, что ретроспективно и стратегически между Россией и Европейским союзом (на который, кстати, в этом случае проецируется отношение к обобщённому Западу) существует гигантский комплекс взаимного недоверия. В духе «бифуркационной схемы анализа» [15] оно зарождается одновременно на двух уровнях. В интеллектуальном сообществе его подпитывают «обманутые ожидания» завершающего этапа холодной войны, суть которых можно свести к следующему: продумать выход из войны вместе и вместе хотели строили новый мировой порядок, а в итоге оказались в подчинённом положении. Но здесь вопрос: достаточен ли этот мотив, чтобы, исходя из него, выстраивать всю внешнюю политику? Второй уровень – «ведомственный тип мышления», оставшийся как в России, так и в ЕС. Нужно научиться открываться и проблемам, и партнёрам, а не выискивать, что не так у контрагента и аргументировать свою правоту. К несчастью, на эти

цели уходит значительная часть российского государственного ресурса.

На общественном уровне ситуация более неоднозначная. В начале XX в. в Западной Европе среди рядовых граждан были распространены симпатии к России. По мемуарным свидетельствам, целые католические общины на юге Англии молились за спасение России. Но Россия застряла в их восприятии на уровне: Россия – балет, Достоевский и Толстой. Реальное знание о России и её достоинствах, о её сегодняшнем дне стёрты. Если они и есть в экспертном сообществе, то не транслируются в СМИ. Будущее России в массовом западноевропейском сознании ассоциируется не с потенциалом фундаментальной науки или космическими исследованиями, а с её энергетическим богатствами. Думается, что ведущая роль в устранении этих дисбалансов восприятия и воссоздания доверия должна принадлежать именно научно-исследовательскому и экспертному сообществу.

Российским экспертам важно проводить мысли о невозможности воспринимать Запад как нерасчленённое целое. Это губительно. Он дифференцирован не только по Атлантике, но и внутри ЕС. С разными фрагментами Запада можно и нужно строить разные отношения, но нельзя пытаться играть на противоречиях, так как их коллективная идентичность сильнее. Стоит помнить, что западные страны – это прежде всего сообщество людей, имеющих глубоко укоренённые стереотипы в отношениях с россиянами. Но эти стереотипы имеют различное происхождение. В основном они имеют историко-психологическую основу и связаны с разницей восприятий одних и тех же событий и роли в них России. Уничтожению стереотипов будет способствовать их тщательный анализ. Никто лучше экспертов эту работу совершить не сможет.

Проблема доверия – ключевая в международной политике. Именно эта её роль и определяет возрастающую значимость «мягкой силы» в международных делах как фактору, способствующему или препятствующему установлению доверия в глобальных отношениях. Во внутренней политике проблема доверия снимается наличием формальной иерархии и механизмов межинституционального равновесия. Как говорится, доверяй – не доверяй, а политика вершится по заданным легитимным алгоритмам и регламентируется национальной правовой системой. Проблема доверия приобретает значение только во взаимоотношениях между политиками и их электоратом.

В международных же отношениях наличие доверия – предпосылка решения любых проблем. Доверие межгосударственное при этом отличается от доверия межличностного. В последнем случае доверять можно, когда основа отношений – в неких незыблемых принципах, в устойчивом отношении друг к другу, а остальным, второстепенным, можно при необходимости поступиться. В условиях межгосударственных отношений так не получится. Нет вечных врагов – есть вечные интересы. Международная политика говорит от лица массовых интересов, а ими поступиться не получается, так как в действие вступают законы внутренней политики: доверие между электоратом и элитой.

Доверие в международных отношениях возможно при общем ценностном фундаменте, культурно-историческом и идейном наследии. Другими словами, при типологическом сходстве ресурсной базы «мягкой силы» с учётом всего многообразия её индивидуально-страновых проявлений. При соблюдении этих условий не нужна даже развитая институциональная инфраструктура (жёсткая инфраструктура) отношений. Так, например, при всей монолитности евро-атлантического пространства его скрепляет лишь одна полноценная организация – НАТО. А в АТР или на постсоветском пространстве, например, – десятки межгосударственных механизмов и образований. И последнее понятно и объяснимо: в условиях дефицита доверия разумно делать выбор в пользу постоянно функционирующего и формализованного диалога, причём лучше всего – по конкретным, техническим аспектам сотрудничества, поскольку при их решении от проблемы доверия абстрагироваться проще.

Отношения между Россией и Европейским союзом многогранны и многоплановы. Наличие в них теснейшим образом переплетённых национальных интересов самых разных стран не делает эти отношения проще, а груз историко-психологических проблем не добавляет им доверия.

Но сводить мировую политику к проблемам только доверия неверно. В нашем случае немало важно и то, что речь идёт о двух принципиально разных субъектах, находящихся в разных точках своего исторического движения – асимметрично интегрированной группы стран, исторически одержимых «манией былого величия», и ослабленного государства, более сильного, чем 10 лет назад, но более слабого, чем оно само о себе думает.

Список литературы

1. Алексеева Т. Россия в пространстве глобального восприятия. Международные процессы. 2007. 5(2). 14.
2. Балувев Д. Политика в войне постиндустриальной эпохи. Международные процессы (<http://www.intertrends.ru/nineth/002.htm>).

■ Международные отношения

3. Богатуров А. Лидерство и децентрализация в международной системе. *Международные процессы*. 2006. 4(3). 12.
4. Богатуров, А. Понятие глобальных проблем сквозь призму опыта 2000-х годов. *Международные процессы*. 2011. 9(25).
5. Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталев М.А. Очерки теории и политического анализа международных отношений. НОФМО, 2002.
6. Виноградов В.Н., Исламов Т.М., Ревякин А.В. Пять веков внешней политики России. Новая и новейшая история. 2004. (1). 151-163.
7. Зонова Т.В. «Светские религии» и дипломатическая концепция баланса сил. *Сравнительная политика*. 2011. (4). 46.
8. Кондратов А. Международное поведение государств. *Международные процессы*. 2011. (002). 93-99.
9. Лебедева М.М. Мировая политика: тенденции развития. *Полис*, 2009.4. 72-83.
10. Лебедева М.М. Акторы современной мировой политики: тренды развития. *Вестник МГИМО-Университета*, 2013. (1). 38-42.
11. Современные глобальные проблемы: Учебное пособие / Отв. ред. В.Г.Барановский, А.Д.Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2010. 350 с.
12. Стрежнева, М. В. Европейский союз и СНГ: сравнительный анализ институтов. 1999. (Vol. 101). Московский общественный науч. фонд.
13. Фененко А.В. Военно-техническая модернизация и "циклы" сближения между США и Россией. *Международные процессы*. 2011. 9(26).
14. Фененко А.В. Современная международная безопасность : ядерный фактор. М.: Аспект Пресс, 2013.
15. Шаклеина Т.А. Россия и США в мировой политике. М.: Аспект Пресс, 2012. 272 с.
16. Шаклеина Т. Общность и различия в стратегиях России и США. *Международные процессы*. 2013. (002). 6-19.
17. Хрусталёв М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки теории и методологии. М.: НОФМО. 2008. 94-95.
18. Хрусталёв М.А. Методология прикладного политического анализа. М.: Проспект, 2010. 70-83.
19. Hudson V.M. Foreign Policy Analysis: Actor Specific Theory and the Ground of International Relations. *Foreign Policy Analysis*. 2005.1(1). 1-30.
20. Luttwak E.N. *Endangered American Dream*. Simon and Schuster.2010.
21. Mattern J.B. Why Soft Power Isn't So Soft: Representational Force and the Sociolinguistic Construction of Attraction in World Politics. *Millennium-Journal of International Studies*. 2005.33(3), 583-612.
22. Nye J.S. Soft power. *Foreign policy*. 1990. (80). 153-171.
23. Nye J.S. The changing nature of world power. *Political Science Quarterly*. 1990.105(2). 177-192.
24. Nye J.S. Public diplomacy and soft power. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. 616(1). 94-109.
25. Nye J.S. *The powers to lead*. Oxford University Press. 2008.
26. Nye Jr, J.S. Recovering American Leadership. *Survival*. 2008. 50(1). 55-68.
27. Nye, Jr. S.J. (). *The future of power*. Public Affairs. 2011.
28. Riazantsev S. Russia Needs a New Migration Policy. *Russian Politics and Law*. 201. 351(3). 80-88.
29. Wallerstein I. *The Modern World-System I: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century, With a New Prologue* (Vol. 1). University of California Pr. 2011.
30. Wendt A. Anarchy is what states make of it: the social construction of power politics. *International organization*. 1992. 46(02). 391-425.
31. Wendt A. Constructing international politics. *International security*. 1995. 20(1). 71-81.
32. Wendt, A. (1999). *Social theory of international politics*. Cambridge University Press.

Об авторе

Байков Андрей Анатольевич – к.полит.н., доцент кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО(У) МИД России, главный редактор журнала «Международные процессы». E-mail: baykova@yandex.ru

THE EU SOFT POWER IN THE GLOBAL EQUILIBRIUM

A. A. Baykov

Moscow State Institute of International Relations (University), 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract: *The paper analyzes the basic parameters of the soft power of the European Union in the context of the effectiveness of its foreign policy and comparison with the efforts of Russia's own resources capacity of non-violent political influence. To solve this purpose the author dissects the basic interpretation soft power, reviews the criteria to measure the effectiveness foreign policy, highlights the existing scholarly discussion regarding the applicability, relevance and accuracy of the concepts of hard and soft power in applied policy analysis.*

Particular attention is paid to the problem of trust in international relations in general and in the relations between Russia and the EU in particular. The presence of trust in international relations constitutes a prerequisite to solve any problems for foreign policy.

Analyzing the practical expression of the basic values of Western European countries and Russia the article concludes that the efficiency of 'soft power' strategies exercised both by Russia and the EU vis-à-vis each other is rather low. The multi-faceted relations between Russia and the European Union with closely interwoven national interests of different countries do not make these relationships easier whereas a whole array of historical and psychological problems do not add trust. Therefore, it is reasonable to opt for formalized dialogue institutions.

In conclusion, the author provides recommendations for medium-and long-term prospects of the bilateral relations.

Key words: soft power , European Union , foreign policy , applied policy.

References

1. Alekseeva T. Rossiya v prostranstve globalnogo vospriyatiya [Russia in the Global Perception]. *Mezhdunarodnye protsessy*. 2007. 5(2). 14.
2. Baluev D. Politika v voine postindustrialnoy epokhi [The Politics of Postindustrial Warfare]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Available at: <http://www.Intertrends.Ru/nineth/002.htm> (accessed 07.01.2014).
3. Bogaturov A. Liderstvo i detsentralizatsia v mezhdunarodnoy sisteme [Leadership and Decentralization in the International System]. *Mezhdunarodnye protsessy*. 2006. 4(3), 12.
4. Bogaturov A. Ponyatie globalnykh problem skvoz prizmu opyta 2000 godov [The Concept of Global Issues Through the Lens of the 2000s]. *Mezhdunarodnye protsessy*. 2011. 9(25).
5. Bogaturov A.D., Kosolapov N.A., Khrustalev M.A. Ocherki teorii i politicheskogo analiza mezhdunarodnykh otnosheniy [Essays on the Theories and Political Analysis of International Relations. Moscow: NOFMO Publ. 2002.
6. Vinogradov B.N., Islamov T.M, Revyakin A.V. Pyat vekov vneshney politiki Rossii [Five Centuries of Russia's Foreign Policy]. *Novaya i Noveyshaya Istoria*. 2004. (1), 151-163.
7. Zonova T.V. "Svetskiye religii" i diplomaticheskaya kontseptsiya balansa sil ["Secular Religions" and the Diplomatic Concept of the Balance of Power. *Sravnitel'naya politika*. 2011. (4), 46.
8. Kondratov A. Mezhdunarodnoye povedenie gosudarstv [International Conduct of States]. *Mezhdunarodnye protsessy*. 2011. (002), 93-99.
9. Lebedeva M.M. Mirovaya politika: tendentsii razvitiya [World Politics: Trends of Evolution]. *Polis*. 2009. 4, 72-83.
10. Lebedeva M.M. Aktory sovremennoy mirovoy politiki: trendy razvitiya [Actors of Today's World Politics: Trends of Development. *Vestnik MGIMO Universiteta*. 2013. (1), 38-42.
11. Baranovskiy V., Bogaturov A. (eds.) (). *Sovremennye globalnye problemy* [Contemporary Global Issues]. Moscow: Aspekt Press Publ. 2010. 350 p.
12. Strezhneva M.V. (1999). *Evropeiskiy Soyuz i SNG: sravnitel'nyi analiz institutov* [The European Union and the Commonwealth of Independent States: A Comparative Study of Institutions. Moscow: MONF Publ.
13. Fenenko A.V. (). *Voenno-technicheskaya modernizatsiya i tsikly sblizheniya mezhdru SSHA i Rossiey* [Military and Technological Modernization and Rapprochement Cycles Between the US and Russia. *Mezhdunarodnye protsessy*. 2011.9(26).
14. Fenenko A.V. *Sovremennaya mezhdunarodnaya bezopasnost: yadernyi factor* [Contemporary International Security: the Nuclear Dimension]. Moscow: Aspect Press Publ. 2013.
15. Shakleina T.A. *Rossiya i SSHA v mirovoy politike* [Russia and the USA in World Politics]. Moscow: Aspect Press Publ. 2012. 272 p.
16. Shakleina T. *Obzhnost i raplichiya v strategiyakh Rossii i SSHA* [The Commonality and Divergence in Russia and US Foreign Policy Strategies. *Mezhdunarodnye protsessy*.2013.
17. Khrustalev M.A. *Analiz mezhdunarodnykh situatsiy i politicheskaya ekspertiza: ocherki teorii i metodologii* [International Political Analysis]. Moscow: NORMO Publ. 2008.

■ **Международные отношения**

18. Khrustalev M.A. (). Metodologiya prikladnogo politicheskogo analiza [Methodology of Applied International Research. Moscow: Prospekt Publ. 2010.
19. Hudson, V.M. Foreign Policy Analysis: Actor Specific Theory and the Ground of International Relations. Foreign Policy Analysis. 2005. 1(1), 1-30.
20. Luttwak, E. N. Endangered American Dream. Simon and Schuster. 2010.
21. Mattern J. B. WhySoft Power'Isn't So Soft: Representational Force and the Sociolinguistic Construction of Attraction in World Politics. Millennium-Journal of International Studies. 2005.33(3). 583-612.
22. Nye J.S. Soft power. Foreign policy. 1990. (80). 153-171.
23. Nye J.S. The changing nature of world power. Political Science Quarterly. 1990.105(2), 177-192.
24. Nye Jr, J. S. Recovering American Leadership. Survival. 2008. 50(1), 55-68.
25. Nye J.S. Public diplomacy and soft power. The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. 616(1), 94-109.
26. Nye J.S. The powers to lead. Oxford University Press. 2008.
27. Nye, J. S.J. The future of power. Public Affairs. 2011.
28. Riazantsev S. Russia Needs a New Migration Policy. Russian Politics and Law. 2013. 51(3). 80-88.
29. Wallerstein I. (2011). The Modern World-System I: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century, With a New Prologue (Vol. 1). University of California Pr.
30. Wendt A. Anarchy is what states make of it: the social construction of power politics. International organization. 1992. 46(02). 391-425.
31. Wendt A. Constructing international politics. International security. 1995. 20(1). 71-81.
32. Wendt A. Social theory of international politics. 1999.Cambridge University Press.

About the author

Andrey Baykov – Candidat of Political Science, Associate Professor at the Department of analysis of the international problems of MGOMO(U) MFA of Russia, Editor of "International Trends".
E-mail: baykovaa@yandex.ru